

ЖИТИЕ СВ. ГЕНГУЛЬФА, МУЧЕНИКА ВАРЕНСКОГО

Аноним VIII-IX в.

В переводе Константина Чарухина

ПРОЛОГ

Досточтимую память блаженнейшего Генгульфа, прославленного исповедника Христова, подобает здесь придать письмам, ибо, хотя она чтима и хранима всеми благочестиво живущими, однако с особым благоговением лелеема теми, кого вседостойное чувство побуждает к более ревностному её почитанию. Ведь он их особый покровитель и надёжный промыслитель, кто их своим заступничеством охраняет, а добродетелями просвещает. В последние времена после чудес и уроков, [явленных] первыми святыми, он выступил их подражателем, просияв на земле, как светило всеясное. И, оставаясь в мирском чине, он подготовился к первым шагам в духовной брани и доблестно сразился с искушениями древнего врага: во-первых, как заслуженный воин и опытнейший благодаря долгими упражнениям боец, так и, во-вторых, увенчанный лавром за благое дело [своё], триумфально занял [почётное место] в сенате небесного отечества. Поистине счастлив, поистине славен тот, кому было дано (когда мир уже отпал и многие уклонились от пути истины) неумолимо последовать стезёю праведности и благородно воздвигнуть, возвысить, вознести достойным деянием своим твердыню веры, основанную на Христе. Итак, по праву он обрёл небо наравне с другими святыми, с которыми он, ещё живя на земле, неразрывно соединился духом.

Но у нас есть особый рассказ о нём, чьё житие целиком стало для мира зеркалом благих дел; для кого, по слову апостольскому, жизнь была Христос, и смерть – приобретение (ср. Флп. 1:21); кто плотью, как мы уже сказали, будучи отнюдь не скован, душою всегда обращался в небесных [обителях], желая разрешиться и быть со Христом (ср. Флп. 1:23); и кто по предписанию божественного Провидца постоянно играл для Бога духовную песню на кованных трубах и гласом трубы роговой (ср. Вульг. Пс. 97:6). Ибо труба кованая, которая вытягивается из металлического слитка частыми ударами, обозначает умерщвление плоти, и тот на трубе кованой поёт Богу, кто плоть свою со страстями и похотями распинает (ср. Гал. 5:24), кто смиряет тело своё и приводит к покорности, дабы, вытянутое и истончённое небесными подвигами (*disciplinis*), воспело оно небесную мелодию. Труба ж роговая образно представляет небесное жительство, ибо слово «рог» происходит от «рождения» по плоти, но он, превосходя плоть, оставляет плотную мягкость и достигает совершенной костяной твёрдости. Итак, на трубе роговой тот воспевает Богу, кто, ходя во плоти, не по плоти воинствует (ср. 2 Кор. 10:3). Таков был нрав святого сего, такова была вся его жизнь: святая, безупречная, небесам угодная, в вере нерушимая, надеждою крепкая, любовью насыщенная и, наконец, всякой благостью приметная. Поскольку же невозможно в должной мере достойно поведать о нём, то мы вкратце коснемся сих предметов и сделаем как бы набросок его жития, ведь никогда (о чём говорим не без великой сердечной скорби) не найти нам описания его. Право же, мы не сомневаемся, что деяния и чудеса столь великого мужа были некогда описаны, ибо было бы в высшей степени неучтиво и даже нечестиво утаить в молчании то, что Бог изволил совершить через Своего слугу на благо многих. Но, когда против Церкви поднялись жутчайшие гонения от язычников, так что многие или бежали или пали убитыми, крайне мало выжило христиан, и, как говорит Поэт наш (св. Фабий Фульгенций, 468-533 г., пам. 1 янв.), вольно было в ту пору вельможам – угнетать, начальствам – расхищать, простецам – утрачивать, несчастным – плакать. И таким образом получилось, что житие сего

блаженного, а именно Генгульфа, наряду с [историями] других святых праведников, было утрачено; [ведь] тогда каждый больше думал о спасении жизни от почти неминуемой смерти, чем занимался хранением и изданием книг. И потому мы отнюдь не полно знаем, что он делал в ранние годы и какие искушения диавола перенёс, но из достоверных рассказов, втайне поведанных нам потомками, мы составили некий краткий сборничек и, споспешествуемые молитвами святого, постараемся изложить то, что развели о нём.

ГЛАВА I. РОЖДЕНИЕ, ВОСПИТАНИЕ, ЖЕНИТЬБА, ОХОТНИЧЬИ ЗАНЯТИЯ, ВОЕННАЯ СЛУЖБА, ЧУДЕСНОЕ ПЕРЕНЕСЕНИЕ ИСТОЧНИКА

[2] Итак, человек Божий Генгульф произошёл из знатного бургундского семейства благородных кровей и был превосходно наставлен родителями в основах христианского учения. Ещё мальчишкой он, будучи украшен замечательными способностями, имел обыкновение часто посещать собрания благочестивых и, вкушая из их уст мёд божественного красноречия, не переставал размышлять над католическими изречениями и препровождать их в нутро памяти; так что, казалось, прямо в сердце его юном запечатлевался образ святости, и хотя облачён он был в мирское платье, однако сердцем непрестанно впитывал писания закона церковного. Он поистине назидался в сокровенных судах Божиих, дабы впоследствии не было во всеблаженном муже никакого недостатка в совершенстве. Ибо он был почтенен обликом, ласков в обращении, рассудителен в делах, изящен в речах, замечателен всяческим достоинством нрава. При этом, отвращаясь от смехотворных зрелищ безбожников, словно бы от бездн адских, он старался избегать непристойной болтовни юнцов, которая нередко пятнает чистоту души обольщениями своими; притом не оставшись глухим к евангельскому наставлению, он и ловкость змеиного благоразумия сохранял, и кротость голубиной простоты не утратил. И вскоре после того, как он вступил во владение большим имуществом, кое весьма обогатило его, и обширными земельными владениями, нет слов насколько щедро он подавал окрестным беднякам. Ибо он по примеру блаженного Иова был глазами слепому и ногами хромоту (Иов. 29:15) и двери свои отворял прохожему (Иов. 31:32).

[3] Затем, перешагнув порог отрочества и вступив в лета зрелого мужа, выбрал он в жёны себе ровню по родовитости. И хотя она происходила из благороднейшего семейства, нравом оказалась совершенно несхожей с ним, как далее покажет наше повествование. А попустил сокровенный Судия оной извергине испытывать славное терпение блаженного мужа и искушать простоту невинного ради того, думается, чтобы оный научился скрывать заслуги своих добродетелей – да так, что те, кто готов позавидовать добрым, могли заявить, будто он медлил просто из-за некоей душевной вялости. Притом он привык занимался охотой, потому что его поместья, в которых он обычно предпочитал останавливаться, были окружены густыми лесами и изобиловали дичью разного рода, что и ныне наблюдается в том лесистом месте, где, как полагают, таятся священные мощи совлечённой плоти его. А если же когонибудь смущает, что столь святой и праведный муж изволил слишком часто расходовать на это силы, то да знает наверняка, что есть некоторые занятия, которые при простодушном исполнении никакого ущерба благому житию не наносят. Есть также и такие, которые с трудом или никак невозможно исполнять без греха, как мы читаем в Евангелии, что блаженный апостол Пётр, по призвании

своём, после страстей Спасителя и воскресения Его, уже презрев было земные деяния и отвергнув славу мирскую, стал в поте лица своего промышлять рыболовством, а Матфей после избрания своего так и не вернулся к занятию мытаря. Ибо одно дело (как говорит св. Григорий (Великий. – прим. пер.)) добывать пропитание с помощью рыбной ловли, а другое – стяжать богатства мытарской наживой (Проповедь 24 на Евангелия. – прим. лат. ред.). Так и сей блаженный Генгульф, возлюбленный Богом и прочими славными добродетелями украшенный, дабы не ослабеть от праздности (ведь досуг обессиливает добродетели, а порокам даёт пищу, ну а праздность есть враг души), дабы не предаться из-за безделия лености, упражнения ради отыскивал логовища диких зверей и старался их либо чуткими собаками затравить, либо плетёными силками уловить.

[4] О ту пору королевством франков могуче правил Пипин (Короткий, 751-768 гг.), у которого сей святой муж состоял на воинской службе. Каковой Пипин, прежде чем был наделён королевскими регалиями, прозывался майордомом, потому что те, кто находились при дворе и чинили суд во всех провинциях, получали от него советы о том, что нужно было делать в государственном управлении. Сей король считал сего преблаженного, о коем речь, Генгульфа одним из самых храбрых в своем войске, потому как он был отважен духом, крепок силами, могуч в битве и во всяком военном деле чрезвычайно сведущ. На сие королевское благоволение указывают замечательные доспехи святого мужа, которые до сего дня хранятся в церкви, освящённой в его честь и носящей его имя, которую он некогда почтил своим всесвященным присутствием: там хранятся его, как полагают, шлем, панцирь, меч и наручи. И хотя очевидно, что он таковыми доспехами защищался извне, однако сие с выразительной точностью изображало и дивные тайны духа его, ибо глубже внутри, в его сердце, сияли непобедимейшие оружия, а именно: шлем веры, непробиваемая броня праведности, щит справедливости и меч слова Божия (ср. 1 Фес. 5:8).

[5] Итак, одно время, когда по завершении похода, в котором Генгульф участвовал, состоя на королевской службе, решил он съездить в родной край, довелось ему держать путь через местность, которую французы называют Шампанью (Champain), ибо там имеются обширные пространства земли, напрочь лишённые густой растительности и не поросшие лесами (т.е. собственно поля – camp. – прим. пер.). Когда же однажды он вместе со своими спутниками съехал с дороги в сторону, чтобы перекусить и дать лошадям утолить голод на пажити, очутился он у некоего источника, струившего чистые и прозрачные воды. Каковое место показалось пригодным для желанного отдыха как людям, так и животным их, поскольку там имелись и травы. Когда же путники расселись, чтобы вкусить пищу, к ним подошёл мужичонка, на убогом участке которого сие происходило, и блаженный муж, будучи исполнен любви к ближним, пригласил его к совместной трапезе. Затем во время еды Божий воитель Генгульф попросил нового гостя прикинуть цену, за какую он мог бы продать ему источник, на краю коего они воссели. Услышав сие, мужик про себя посмеялся над ним, ибо, не рассмотрев в святом муже чистоты невинной, он глупости приписал сказанное им. И смекнул он, что выйдет ему двойная выгода: и плату удастся сполна взять, и источником (поскольку перенести его с места на место невозможно) владеть по-прежнему. Ибо оный жадный владелец источника не обратил внимания на то, что в слуге Божиим воссияла та сила, которую Господь обещал апостолам, более того, чрез апостолов – и прочим верным, молвив: «Истинно

говорю вам, если кто скажет горе сей: «поднимись и ввергнись в море», и не усомнится в сердце своем, но поверит, что сбудется по словам его, – будет ему, что ни скажет» (Мк. 11:23). Короче говоря, преблаженный велел вручить сумму в сто солидов продавцу источника. Покончив меж тем с остатками трапезы, он сел верхом и тронулся со своими спутниками в дальнейший путь. Проехав же перекрёсток, он завернул к своему поместью, расположенному в месте, называемом Варен, где теперь находится и церковь [имени] сего самого святого. Затем он поведал жене (которая за спиной у него уже успела беззаконно осквернить брачные узы любовной связью) обо всём, что свершил, а также назвал сумму, отданную за вышеупомянутый источник. Тут она, будучи подла душой, поторопилась дурно перетолковать всё, что было сделано им, и принялась втайне сетовать, кляня мужа за то, что по тупоумию своему расточительно тратит имущества и что никакого проку не получится из сего [источника], купленного за такую цену.

[6] Во дни те, обходя с осмотром места, прилегающие к его дому, он воткнул в землю посох, который носил в руке, и, оставив его так, отошёл. На следующий день, когда он утром встал, ему не хватило воды, чтобы вымыть руки и лицо. Тогда оный святой, исполнившись веры, велел одному из слуг пойти побыстрее и вытащить упомянутый посох, вонзённый в землю, да как можно скорее принести для умывания влагу, что из-под одного выступит. И тотчас, едва слуга, послушный приказу повелителя, вынул палку из почвы, как из глубины недр земных излился преобильный ключ, причём как бы нарочно являя тот самый цвет, который был у него в том месте, из которого он был божественной силой перенесён, ведь источникам одного края свойственно сохранять беловатый цвет в соответствии, очевидно, с качеством почвы, из которой они происходят. Таким образом, не оправдалась надежда на наживу жадного продавца источника, которым он рассчитывал владеть и далее, ибо никогда уж более ни видали воды в том месте, где она была прежде. Се дела Твои, о Господи Иисусе Христе, ибо Ты когда-то в огромной пустыне заставил скальную твердь излить обильные потоки, коими утолил истомлённые жаждою утробы народа израильского. А оный источник и до сего дня по молитвам бл. Генгульфа полнится чрезвычайно здоровой водою, и божественная сила дарует от него премногие чудеса исцелений болящим.

ГЛАВА II. РАЗВОД С ЖЕНОЮ ПО ПРИЧИНЕ ИЗМЕНЫ ЕЁ. СМЕРТЬ ОТ РУКИ ПРЕЛЮБОДЕЯ. КАРА ЗЛОДЕЯМ. ЧУДЕСА СВЯТОГО

[7] После сих событий таким образом вышеназванная женщина, воссоединившись в браке с блаженным мужем, по наущению древнего змия, что злостным обманом Еву в раю совратил, прельщённая любовью некоего клирика, не постыдилась осквернять себя нечестивым смешением. Впрочем, подобает называть его не клириком, а вероломным отступником, что в блуждании уклонился от пути правды и жребия Божия и по наглости своей счёл пустяком учинить эдакую несправедливость святому Божию. И если поначалу они творили сие тайком, то позднее, когда многие стали толковать о том, достиг слух, наконец, и сего святого, о ком речь. А когда весть о беззаконии довели до сведения праведника, то разные помышления закружились в растерянной душе его. Ибо часто приходило ему на сердце, что не подобает далее оставлять её (жену) в живых, дабы она, покрытая грязью от постоянного валяния в свиной этой луже, не обесчестила достоинство

славного рода его тяжким позором беславия. Если же, с другой стороны, он предаст её смерти, то, виновный в человекоубийстве, запятнает чистоту прежнего своего жития клеймом несообразного ему преступления, ибо не забывал он [слово] Писания, что глаголет: «Мне отмщение, Я воздам, говорит Господь» (Рим. 12:19; ср. Втор. 32:35). Утомлённый сумятицею этих и им подобных помышлений, он решил, что сие следует предоставить суду Божию, который не оставляет безнаказанным ничего, что не было изглажено посредством покаяния.

[8] Итак, однажды, когда дружинники его были заняты различными служебными делами, он вместе с одною лишь супругой своей отправился в путь, дабы объехать с осмотром пределы некоего поместья своего. А когда они добрались до некоего источника воды, Генгульф стал убеждать оную женщину таковыми речами. «Много, – молвил он, – и повсеместно на каждом перекрёстке толкуют, супруга моя, что творишь ты предосудительные и неудобосказуемые дела, противные твоему благородному происхождению, да неведомо, правда то иль обман». Тогда стала она, божась так и эдак по женскому обыкновению, уверять его, что несправедливо чернят её все и никогда не была она подвержена той нечистой напасти, в коей её винят. Тогда он молвил: «Провидение Божие, от коего не утаится ничто сокровенное, даст явный знак, обличающий отрицаемое деяние. Вот источник на открытом месте, которому ни морозная стужа не придала прохлады сверх меры, ни жаркий зной не соделал чрезвычайно горячим; итак, окуни руку и не мешкая вытащи камешек, лежащий на дне его, и, если дело обстоит так, как ты утверждаешь, то Бог, ведающий сокровенное и знающий всё прежде бытия его (Дан. 13:42), не дозволит тебе пострадать от наветов, ну а если твоё свидетельство окажется окутано облаком лжи, знамение не попустит долго таиться беспутству». Она ж, приписав сии (как и прочие) слова человека Божия тупости, не убоялась и без сомнений погрузила руку в воду, но, едва коснувшись камешка, тут же отдернула руку, ибо видели бы вы, как немедля проявилась сила Божия: вся та часть руки, что коснулась воды, облезла, так что плоть была видна до самых кончиков пальцев, лишившихся покрова.

[9] Да воззри всякий, кто дивится сему, воззри, насколько человеческие суды отстоят от судов вышних! (ср. Ис. 55:8) Он, исполненный веры, всё вверил суду и могуществу Божию; она, поддавшись суете и отнюдь не возлагая надежды на Бога, всё зрящего, понесла расплату за самонадеянность и ложь свою. Видели бы вы, как она от изумления словно бы оцепенела всеми членами и, обличённая явным знамением Божиим, не ожидала для себя ничего иного, кроме неотвратимой гибели. Тогда он молвил: «Желал бы я, коли б соблюла ты должную верность и ходила в законе Божиим, пройти вместе с тобою все мирские испытания, любые успехи и превратности, что могли бы выпасть на долю, общими с тобою усилиями перенести, вместе терпеливо жить и вместе блаженно умереть. Итак, поскольку ты не утрашила вовлечься в сии преступления, ты поистине достойна смерти, но от моих рук ни в коем случае не умрёшь. А так как жизнь человека не в его руке, но во [власти] Того, Кто судит обо всём бесстрастно, я полагаю, тебя подобает предать Его суду. Ведь если ты принесёшь достойный плод покаяния, то сможешь получить от Него прощение; если же не положишь предела сим занятиям, то вместе со вдохновителем твоей испорченности диаволом гореть будешь в пламени гееннском. Наконец, тот свадебный дар, что я дал тебе при обручении, оставь себе, чтобы было

тебе на что жить, ибо отныне более никогда не узришь меня». Итак, покончив с разговорами, он созвал своих людей и, погрузившись на повозки свои, они отправились в дальнее его имение, расположенное в окрестностях Авалона, где он предался делам благочестия и милосердия, ничуть не теряя времени по свойственной ему благодати.

[10] Между тем она несчастная, вступив во владение имуществом, что уступил ей блаженный муж, пользуясь положением как бы свободной женщины, не преминула предаться гнусным порокам распутства с проклятым тем клириком. Итак, опасаясь, как бы бл. Генгульф, восплавав гневной ревностью, не предал их обоих внезапной смерти, принялись они изо всех сил думать, как бы умертвить его. Тогда оный клирик, движимый лютой яростью, от Бога отдалившись и сосудом диавола сделавшись, решил, не в силах более мешкать от дикой ярости, совершить вылазку в те места, где пребывал упомянутый слуга Божий. А поскольку он отлично знал устройство его жилища и не было ни единого входа, который не был бы ведом ему, то стал он украдкой выжидать времени, когда слуги разойдутся, и того часа, в который можно будет застигнуть святого крепко спящим на ложе, чтобы, тайно предав его убиению, свободно ускользнуть. Что и случилось; ибо, как только он увидел, что пришло подходящее время для святотатства и злодеяния, то вошел в комнату святого, схватил меч, лежавший у того в головах. А когда, обнажив оный, клирик высоко поднял руку, чтобы отрубить голову спящему, воитель Божий, проснувшись, попытался вскочить с постели. И хотя [убийца] предпочёл бы поразить святого в шею, однако случилось нечто иное: поскольку блаженный муж попытался уклониться от наносимого удара, острое клинка, угодив ему в бедро, нанесло тяжёлую рану. А оный нечестивец не стал ничуть не мешкать, но, совершив злодеяние, с мечом в вытянутой руке поспешно – дабы не быть застигнутым – вышел и, с проворством взобравшись на скакуна, был таков.

Итак, Генгульф, святой слуга Божий, прожил ещё несколько дней, а как только почувствовал, что конец жизни уже совсем близок, он исход свой охранил (ср. Вульг. Пс. 120:8) таинствами Тела и Крови Господних и, мужественно завершив бег (ср. Вульг. 2 Тим. 4:7) земной жизни, блаженно преселился ко Господу долгожданым преставлением и с того мига, право же, перестал умирать и начал жить; и, скинув тьму мира, облёкся в небесную славу. Ныне же он предстоит лику Бога Всемогущего и, приняв из рук Его первую ризу, сиречь нетленное и нерушимое блаженство души, ожидает также ризы двойной, когда, вновь прияв в конце мира тело, возрадуется бессмертию плоти вкупе с душою.

[11] А две его тётки, Виллетруда и Виллегиза (которые, проживая в вышеназванной обители, расположенной в его владении Варен, служили [Богу] трудами святости и целомудрия), проведав о кончине блаженного мужа, взяли с собою особ духовного сана и изрядное множество иноков в дополнение к ним, а также далеко не малую толпу народа, и спешно устремились туда, где находилось его бездыханное тело. Итак, подняв, перенесли [сии мощи] в крестном ходе да со свечами и возглашением божественных песнопений в вышеупомянутую обитель, где и просияли оные чудесами. И погребен был святой в его собственной базилике, освящённой в честь князя апостолов Петра, сими служительницами Божиими, коих разрывало противоречивое чувство, ибо они знали, что должно ликовать о нём и скорбеть о

себе; сорадоваться его прославлению и оплакивать своё сиротство. Ну а на ту обитель святой Божий перед кончиной своей пролил столько благодетней и щедрот, что навсегда внушил величайшую любовь к себе, и передал ей в собственность все владения свои, чтобы те, кто служит в ней [Богу], могли иметь необходимое доходы. А поскольку нечестиво было бы дать мирской тьме окутать небесный светоч, и сама Истина засвидетельствовала, что город, стоящий на верху горы, не может укрыться (ср. Мф. 5:14); для всеобщего блага и пользы благоугодно было Божественному могуществу сделать сего святого Своего всем ведомым и известным в чудотворении, дабы того, кого Бог прославил на небесах, люди возвеличили в мире.

[12] Меж тем недурно бы упомянуть в сем рассказе и о том, каковое отмщение постигло губителей святого. Ибо же вышеупомянутый клирик, как мы сказали, пустившись после свершённого злодеяния в бегство, с великой поспешностью примчался к оной Богу ненавистной женщине, дабы, как о величайшей радости, возвестить о мерзости сотворённого преступления, не зная, что предстоит ему вскоре внезапная гибель. Ибо после того, как они в ликовании нелепой радости расхохотались, [клирик], чтобы облегчить утробу, побежал в отхожее место. А едва он забежал в нужник, чтобы отдать долг природе, так, по образу предателя Иуды и ересиарха Ария (из коих один пытался угасить человечество Христово, а другой – разделить нераздельное единство Троицы), выпали внутренности его (ср. Деян. 1:18), и как у него было пусто в душе, равно же стало пусто и во чреве. Вот так несчастный, лишив себя возможности покаяния, спустился в клоаку преисподней. Ну и о воследовавшем наказании оной бесстыдной женщины, как ни ужасно о том молвить, всё ж нелишне упомянуть среди прочего. Ибо когда раб Божий отправился путём всякой плоти, в местах, чрез кои провозили останки священного тела его, неизреченная милость Божия по его заступничеству уделяла многие милости народу. Когда же с упованием на обретение долгожданных даров его щедрой милости стали собираться великие толпы немалозначимых людей, окрест распространилась слава знамений его. Тогда одна из тех, видимо, девиц, что прислуживали вышеупомянутой женщине, прытко прибежав к госпоже, сообщила вот что: «Тело господина Генгульфа везут, чтобы предать погребению в склепе, потому как от него всем на радость совершаются исцеления!». А она, обуянная безумием ярости, молвила: «От Генгульфа чудес как от моей задницы!» Как только сие нечестивое речение изошло из гортани её, из скрытой части тела вырвался непристойный звук. Тот день, когда сие соделалось, христианский народ по обыкновению называет пятницу, – и вот, с той поры она подверглась такому сраму: во всё время жизни своей, сколько бы слов она ни произнесла в этот день, столько же посрамлений исходило из той части тела, с которой она не постыдилась сравнить чудеса человека Божия. Молва о том так широко разошлась по всем пределам королевства, что вышеупомянутый король Пипин, проезжая теми местами, направил нескольких порасспросить и выяснить, правдивы ли все сии [толки]. Они же, удостоверившись в истинном положении вещей, постарались верно изложить королю и знати то, что повидали и услышали.

[13] И нельзя просто так промолчать перед теми, кому знамения и чудеса настолько милы, что, по их мысли, Богу угодно лишь то, что Он отметил свершением оных, в то время как Он более требует заслуг [праведного] жития, чем телесного чудотворения.

Ибо, как изрёк евангелический поэт (Целий Седулий, священник и поэт V в., известный как «христианский Вергилий». – прим. пер.).

...Без заслуги благой суть ничто чудеса,

Ведь и злые творят их нередко... (Пасхальная песнь, V. 164-165)

И Сам Господь призывал апостолов научиться у Него не знамениям и чудесам, но кротости и смирению, говоря: «Научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем» (Мф. 11:29). Поэтому, если и не написано ничего о том, что бл. Генгульф, живя во плоти, творил чудеса, то не следует его считать неравным другим святым, ведь он несомненно был равен им в вере и святости. Но и то ещё должно сказать, что, если нам и неведомо, что им было совершено мало чудес, однако знаем, что он следовал примеру святых, подражая их усердию в духовном подвиге. И действительно, мы не сомневаемся, что он совершил много знамений ещё при жизни, но они, возможно, по леностной небрежности писателей не были преданы письменам (что слишком часто наносило немалый ущерб жизнеописаниям святых), но, скорее, если какие-либо книги о деяниях его и существовали, то они либо, давно заплесневев, распались от ветхости, либо в годину бедствий, когда монастыри и церкви разорялись и всё вокруг погибало и пропадало, они в итоге обратились в ничто, ведь люди тогда разбегались кто куда и заботились только о себе и спасении своей жизни, но никак не о сохранении архивов. Итак, пускай тот, кто утверждает, что при жизни святой не явил чудес, говорит что угодно после того, как узнает, что после смерти он творил и ежедневно творит бесчисленные чудесные знамения. Ибо Бог, Который от вечности предопределил всё Своей премудростью, и то, что по загадочным божественным замыслам отдалено пространствами и временами, являет зримо, изволил его прославить чудесами как наилюбезнейшего Себе слугу именно в то время, когда по преодолении всех искушающих борений, достойно было уже праведнику ликовать о Господе, и правому впору стала похвала (ср. Вульг. Пс. 32:1). Сие мы вкратце написали в память святейшего Господня исповедника Генгульфа, считая, что не подобает столь великого и славного мужа скрывать под запором молчания и не возвестить о его приобщении высшего света, и пути, и истины, и жизни Бога и Господа нашего Иисуса Христа, Который с Богом Отцом и Святым Духом живёт и царствует, и благословен во всяком роде, месте и времени, ныне и в бесконечные веки веков. Аминь.

Перевод: Константин Чарухин

Корректор: Ольга Самойлова

Подготовлено для сайта РУСКАТОЛИК.РФ